

СЛАБ человек, при встрече с творением художника не верит он часто глазами своим, погружаясь в бег и течение линий, в пятна цвета, не верит ушам, воспаряя куда-то со звуками, — хочется ему еще и объяснений, еще и слов (и интонаций) — ведь придуманы же на что-то слова... Или не верит он, что художник в своем творении (картине, симфонии, фильме) — весь перед нами... Или знает — меняется мир и с ним человек... Да мало ли причин, по которым хотелось поговорить мне с Кири Муратовой (и ней не пристаю восторженные определения журналистов «титул» ее лишь уважительное — кинорежиссер...), но Кира Георгиевна сначала, в сердцах; «Опять говорить о кино! Не люблю!», а потом согласилась; и вот она сидит напротив и смотрит в глаза, и восхитительно разнообразны интонации (вспомните, вспомните фильм «Короткие встречи» и ее в роли Валентины Ивановны)... И вот вам без прикрас запись нашей беседы, серьезной и прорываемой то и дело смехом...

«Во всем прекрасном есть много намеков на ужасное». Можно эти намеки долго-долго преодолевать, не замечать и отталкивать. А потом понять, что они все равно существуют. Достоевский говорил о слезинке ребенка... Раз она была, есть или будет, то мне как-то уже... ну, не стоит того все остальное. И вообще все... Я имею в виду химию жизни. Химию. Щелочи и кислоты, да?.. Они же всегда будут. И

Но не в своих мыслях. — А правда, что вы собаку взяли с живодеки? — Я снимала на живодерке... Я вообще не люблю собак, у меня в доме кошки всегда жили, потому что собака — шумит... Но там уже невозможно было не взять хотя бы одну собаку... Это очень важный для меня эпизод — живодеки. Она поразила меня давно... и теперь я это сняла. Я думаю, что вообще в

— Кира Георгиевна, почему вы не любите встречаться с журналистами?

— Во-первых, мне нечего сказать на самом деле. То, что мне хочется сказать, — это условное вообще выражение: «Хочется сказать», но можно его употребить — я говорю в своем фильме на профессиональном языке. Больше мне ничего не хочется сказать (это произносится с выделением каждого слова. — О. Ш.). Если бы хотелось, я сама написала бы статью или обратилась с предложением выступить по радио, по телевидению — и добилась бы этого. Но и затем... это очень трафаретно всегда получается: одни и те же вопросы и уже выработавшиеся во мне удобные и быстрые штампы ответов. А в третьих, я вообще не общительный человек. А профессия моя строится на непрерывном, эксцессивном, чрезмерном общении. Поэтому большего общения я не хочу. (Смеется.)

— А читатель вашего интервью не может затем стать вашим зрителем?

— Я в это не верю. Ни в возможность убедить людей смотреть то, что им не хочется смотреть. Ни в возможность быстро перевоспитать или воспитать в людях какую-то культуру наслаждения от восприятия, которая не свойственна им. Для того чтобы хотеть смотреть что-то, как и слушать определенную музыку, требуется (далее — ударение на каждом слове. — О. Ш.) умение получать такого рода наслаждение. Это умение вырабатывается обучением.

— Каким же?

— Например, я не знала, что такое живпись, и не получила от нее удовольствия. Я прослушала курс истории искусств. Мне стало интересно, я стала вглядываться, всматриваться, я стала понимать, я стала чувствовать. Я стала чувствовать блаженство. Я обожаю живопись. Только потому, что меня учили обожать. И я научилась...

Но я не верю, что режиссер может уговорить (смеется) смотреть свои фильмы. Он в своих фильмах выкладывает максимально, на все лады изворачивается, чтобы себя выразить — если он там не сумел этого сделать, то добавить к этому... Нет, нет, это я, конечно, заявляю голословно и с апломбом — я не думаю, что я тот режиссер, который может сказать что-то завлекательное про свое кино.

Но есть режиссеры... пророки, что ли. Режиссура для них является как бы одной из форм культурной деятельности. Они верят. Верят в свою миссию, в результативность культуры, в изменение нравов. Это широкие натуры. А я очень узкий (смеется) такой специалист... Я всегда говорила — и так оно получилось на самом деле — я говорила: вы мне дайте просто снимать, а потом можете складывать фильмы в подвал и вообще не показывать (смеется). Только давайте следующий снимать, если мне захочется. Ну, сейчас такая ситуация, что их будут складывать в подвал (смеется) не по той причине, что хотят складывать, а потому, что никто смотреть не станет все равно (смеется!). Но снимать еще некоторое время будут давать. А потом перестанут. Потому что сейчас другая конъюнктура пошла — деньги... Что естественно вполне. Так что в моем нежелании разговаривать есть... глубокая причина, а не просто упрямство или неконтактность...

— Ну, будем все же надеяться. И я все-таки спрошу: какое удовольствие ждет нас? Что вы делаете сейчас на «Ленфильме»?

— Последний этап работы над новым фильмом — переза-

Кира Муратова. «Смотрите, как ей стало хорошо»

Веч. Ленинград. - 1989. - 23 сент.

В энциклопедическом словаре «Кино» можно прочесть, что «Муратова Кира Георгиевна... сов. режиссер. В 1962 году окончила ВГИК (мастерская С. А. Герасимова). С. А. И. Муратовой поставила короткометражки и фильм «У Крутого Ира» (1962) и полнометражные и фильм «Наш честный хлеб» (1966), в котором обнаружился интерес режиссера к современности, нравственной проблематике, неоднозначным человеческим характеристикам. И что ей поставлены «Короткие встречи» и «Познавая белый свет». Исчерпывающая справка, элегантно такая...

Словарь этот, вышедший в 86-м, умолчал о запрещенных тогда «Долгих проводах» (1971), а о фильмах «Среди серых камней» и «Перемена участи» сказать не успел. Сейчас «Короткие встречи», «Долгие провода» и «Перемена участи» выдвинуты на соискание Государственной премии СССР. Фото С. КАЦЕВА

писать. Картина — Одесской студии, а здесь — потому что техника лучше. Фильм называется «Астендический синдром», авторы сценария — Александр Черных, Сергей Попов, который также играет главную роль (а в главной женской роли — актриса из Ленинграда Ольга Антонова), и я. Сценарий сборный — сборный, как винегрет. (Пауза. С безнадежной скучной интонацией). Про что фильм вас интересует, сюжет?

— Если можно, в двух словах...

— Как раз про этот фильм — можно. Он двухсерийный и вмещает в себя маленький фильм... В центре основного сюжета — герой, который засыпает в сложных ситуациях жизни. Можно назвать это болезнью, можно символом каким-то социальным, я не знаю...

— Это диагноз нашей жизни?

— Это (с усмешкой)... диагноз мироздания, что ли. Это невозможность веры в гармонию и переход к хаосу, который произошел во мне, в моем сознании. Потому что раньше я гармонию ощущала как содержание, а теперь — только как форму. Я бы сказала, что это герой, который из всех героев моих фильмов наиболее сливается с моим личным моментальным, то есть теперешним, сиюминутным состоянием.

— А с чем связана эта — если можно так сказать — потеря гармонии у вас?

— Видите ли, можно жить иллюзиями, а потом их потерять, но это означает потерю иллюзий. А приобрести более реалистическое, реальное мироощущение. Можно долго закрывать глаза на многие вещи, уметь отвернуться, или прищуриться, или смотреть на прекрасное, и много очень прекрасного. В моем предыдущем фильме есть такие слова:

какой-то гармонии не наступит. На этом построено вообще существование материи, или назовите это как угодно. И это мне не нравится. И изменить это невозможно.

— В чем же черпать силы?

— Во мне есть некоторый парадокс, в моем существе. Я очень здоровый человек физически. Я как бы... грустный оптимист или веселый пессимист, поэтому у меня есть биологическая энергия, здоровье и желания. Но ведь при этом сознание двоится: есть в нем какой-то контролер наблюдающий. И он все время констатирует: ты можешь веселиться, но... Потом, я очень люблю некоторые вещи. Я очень люблю снимать кино, мне безумно нравится это занятие. Отражение всего — приятного, неприятного — в виде киноленты доставляет мне удовольствие. Я люблю маленьких детей... да мало ли что... Что значит «черпать силы»? Положительные заряды энергии, которые заложены во Вселенной, ведь не аннулируются. Можно говорить только о каком-то общем ощущении.

— Мне кажется, что общее ощущение сейчас как раз весьма пессимистическое. И одни спасаются тем, что не додумывают до конца, другие — в обращении к Богу, третьи... Поэтому — в чем черпаете силы вы?

— Только в своих занятиях.

...Еду в автобусе домой и думаю, что газета, в сущности, очень мала и что придется опустить большую часть нашего разговора. О том, что такое хороший характер. Что Кира Георгиевна любит сочетание милового с красным. И что она как-то не очень ощущает себя частью поколения, и что «куда-то ведь деваются эти двадцатилетние...». И о прежнем «настоящем терроре» на Одесской студии, и о жалости Муратовой к людям, подвергнувшимся ему, и даже к чиновникам жалости («ведь они-то не получают от создания фильма того блаженства, что я...»). И о том, что за границей ее фильмы встречают точно такое же понимание у публики, как в Отечестве...

Еду в автобусе. Господи, ну почему так озлобленно-механически лупят все по компостерам — ладонью, кулаком... Все — и подростки, и седые, и женщины... Прямо грохот стоит кругом. Ну почему нельзя ласково!..

«Только в своих занятиях черпать силы...».

Ольга ШЕРВУД